

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kiam@onego.ru

СТРУКТУРА ИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ КАРЕЛИИ XV–XVI ВЕКОВ (МОДЕЛИ ИМЕНОВАНИЙ)*

Представлен анализ моделей именования лиц, зафиксированных в делопроизводственной письменности Карелии XV–XVI веков. Объясняются причины вариативности номинации человека в текстах региональных памятников письменности; рассматривается статус и роль дополнительных идентификаторов лица (названий лиц по родству, по профессиональной деятельности, социальному положению, месту жительства) в антропонимических структурах, содержащих разное количество элементов. Определены условия онимизации дополнительных идентификаторов, главными из которых являются социальный статус человека и внутренние ресурсы ономастической системы.

Ключевые слова: историческая антропонимия, региональная антропонимия, структура именования, модель именования, дополнительный идентификатор, имя, прозвище

Особенности антропонимической структуры рассматриваются практически во всех работах, посвященных изучению исторической антропонимии. Такое внимание к способам номинации лица обусловлено многообразием моделей и формул именования¹ в прошлом в разных регионах Руси, сопряженным с поиском ответа на вопрос о наиболее оптимальном представлении субъекта в тексте документа, о причинах такой изменчивости. Вариативность касается наличия большого количества различных способов номинации, которые выводятся при анализе референции не только разных лиц, но и одного «персонажа», отмеченного в тексте делового источника. Продemonстрируем последнее на примерах, где один и тот же человек записан неодинаково как в разных частях одного документа: *Степан Скипа Васильев сын Фекина // Скипа Васильев сын Лустина Фекина // Скипа Васильев сын Фекина // Скипа Фекин // Степан Скипа // Скипа*, 1568² (ПКВП1, 126, 127, 161, 162), так и в разных документах: *Стефан Михайлов сын Заломаева Будай // Будай // Будаец*, отступная, 1572³ (АСМ, 16) // *Стефан Михайлов сын Будай*, купчая, 1581 (Там же, 157) // *Степан Будай Михайлов сын Заломаева // Будай*, купчая, 1574 (Там же, 48). При этом каждый анализируемый с антропонимических позиций письменный источник не только отражает уже описанные в ономастике факты, но и дает новый материал, ставит перед исследователем новые вопросы.

Цель статьи – описание *моделей именования*, отмеченных в региональном ономастиконе; определение функциональной нагрузки дополнительных идентификаторов, условия их антропонимизации.

Для анализа выбраны официально-деловые документы: писцовые книги Обонежской и Водской пятин и дозорные книги Лопских погостов XV–XVI веков, близкие в жанровом отношении. Носителями именований являются преимущественно крестьяне, а также мастеровое население края, местные церковные служащие, земцы, бобыли, реже упоминаются бояре, помещики, владевшие землями на территории Карелии. Всего обработано 21 039 антропонимических структур. Для сопоставления привлекаются материалы, зафиксированные в иных типах делопроизводственной письменности – актах и грамотах⁴, а также в документах Кексгольмского лена XVI–XVII веков, написанных на шведском и русском языках.

Общеизвестно, что XIV–XVII века – этап формирования великорусской народности, ее языка. Это время, когда складывались правила составления документов, но о единых стандартах (несмотря на писцовые наказы) говорить еще нельзя (особенно в XIV–XV веках). Как следствие, отсутствие нормы отражается на особенностях номинации человека в тексте документа. Так, в изучаемый период антропонимия разных регионов Руси с точки зрения количества элементов обозначена следующими моделями именований: одно-, двух-, трех- и многокомпонентными. Представим собранные по памятникам письменности Карелии сведения в таблице, которые показаны с учетом времени (от более ранних к более поздним) для определения динамики явления, а также географии (одинаковые территории выделены разными оттенками серого цвета).

Состав моделей именования в документах Карелии XV–XVI веков

	1496 ПКОП	1539 ПКВП	1563 ПКОП	1568 ПКВП	1582/83 КЗПОП	1597 ДКЛП	Средний %
1 комп.	913	77	1071	460	218	226	
	42 %	24 %	14 %	14 %	4 %	17,5 %	14 %
2 комп.	1252	153	6237	1863	5860	1223	
	57,6 %	58 %	76 %	66 %	94 %	78 %	79 %
3 комп.	8	34	655	540	99	93	
	0,37 %	18 %	9 %	18 %	2 %	4,5 %	7 %
4–5 комп.			10	47			
			1 %	2 %			0,3 %
Количество фиксаций	2173	264	7973	2910	6177	1542	21039

Дадим комментарий полученным результатам.

I. Следует признать значительным показателем по однокомпонентным моделям, особенно в документах 1496 (42 %) и 1539 (24 %), что объясняется невысокой плотностью населения в средневековой Карелии. По этой же причине много однокомпонентных моделей в Дозорной книге Лопских погостов в 1597.

Более того, отмечаются населенные пункты (особенно в Обонежье), где все жители обозначены только через однокомпонентное именование, типа *дер. на Виж-матке: в ней Грядка да Андрейко да Якимко, в ней Тараско*, Шуньгский, 1496⁵ (ПКОП, 3); *двор боярской, в нем сам Кузма; а крестьян: в нем Михай, в нем Грядка... в той же волостке Каскагале за Кузмой же дер. Рай... в ней Ивашко*, Ролдужский, 1539⁶ (ПКВП, 34). Со второй половины XVI века количество таких структур сокращается.

Само по себе функционирование данной модели доказывает, что *имя* являлось, как и в глубокой древности, основной антропонимической единицей, ядром репрезентации человека, хотя в писцовых книгах Обонежской пятины 1496 встречаются единичные фиксации лица через отчество или патроним (все в Шуньгском погосте), ср.: *дер. на долу: в ней Иевич да Федотко* (ПКОП, 5); *дер. в Наволоке: ...в ней Никифорко Кузмин сын да Якович* (Там же); *дер. у Порошка: в ней Никонин, в ней Ларюк* (Там же, 4).

II. В конце XV – начале XVI века однокомпонентная структура становится все менее пригодной для должной идентификации лица даже в малонаселенной Карелии, поэтому большая часть номинаций человека происходит через двухкомпонентную модель (средний показатель 79 %). Сопоставление статистики по годам (с привязкой к региону) показывает: в Обонежской и Водской пятинах количество двухкомпонентных моделей увеличивается, что в общем-то не отличается от статистических показателей и динамических

процессов, описанных ономастами при изучении антропонимии по другим регионам Руси начиная с В. К. Чичагова [10] (см. также: [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9] и др.). Данная модель занимает весомую позицию и в актовых документах, но в отличие от официально-деловых источников количество употреблений двухкомпонентных именований значительно меньше (37,5 %). Это объясняется целевыми установками создания документов разных типов, особенностями их композиции и, как следствие, различиями в представлении человека в них.

III. Трехкомпонентные структуры не являлись характерным признаком ономастической системы Карелии XV–XVI веков, что опять же обусловлено культурно-историческими, экономическими условиями региона. Кроме того, такие модели – типичная сословная черта номинации средневекового человека. Их носители – бояре, земцы, помещики, владельцы мельниц, амбаров, варниц, шербетей, приказчики, дьяки, старосты, торговые люди, вдовы (955 случаев). В крестьянском социуме трехкомпонентные модели также не являются единичными. Однако различия касаются особенностей третьего компонента, в его роли при номинации крестьян выступает не только фамильное прозвание (*Матвейко Васильев Строкин*, 1563, ПКОП, 67; *Михалко Федоров Песенкин*, 1568, ПКВП, 63; *Лева Яковлев Котов*, 1582/83⁷, КЗПОП, 277), но и прозвище (*Ивашко Максимов Щербина*, 1496, ПКОП, 11; *Кирилко Иванов Широкой*, 1563, Там же, 68; *Никита Васильев Базыка*, 1568, ПКВП, 67; *Кирилка Микитин сын Пеллюй*, 1597⁸, ДКЛП, 195 и под.). В то же время у лиц, не являющихся крестьянами, или у крестьян, имеющих некую дополнительную собственность, третий компонент оформлен чаще всего по патронимному типу (часто в генитивной форме), ср. именование земцев: *Дарьница Микитина дочь Няскова*, 1568 (ПКВП, 100); *Васюк Ларионов Косикова*, 1563 (ПКОП, 136); *Леонтий*

Дмитриев сын **Молеванова**, 1582/83 (КЗПОП, 146) и проч.

Более активно трехкомпонентная модель используется в частно-деловой письменности (26 %), где большая часть текстов начинается и заканчивается структурами, состоящими из двух-, трех- и большего количества элементов, номинирующих человека: *Се яз, Яков Парфеньев сын Паршукова, с своим сыном Никифором, умбляне, продали есми Фегнасту старцу Соловецкого монастыря пол-лука уголья своего в Умбе... А на то послуши: Савелей Федоров сын Водникова да Иван Афанасьев сын Новзиева... Купчую писал диячек умбской Петелка Лукьянов, купчая, 1572 (АСМ, 14).*

Отметим, что несмотря на невысокий процент употребления именно русская трехкомпонентная модель повлияла на представление лица в смешанном этническом социуме, нашедшем отражение в шведских документах, и стала специфическим атрибутом западноевропейского средневекового ономастикона, ср. сначала единичные употребления в 1618⁹ и 1631¹⁰: *Matti Joaninpoika Heikanen* (КЛ1, 313), *Thomas Thomasson Assi* (КЛ2, 453), а позже – в 1637¹¹ – более регулярные, см. примеры из шведской части: *Sibrät Jussinpoika Lemmitajnen*, Tiurala p. (КЛ3, 58), *Pauo Antinpoika Paukone*, там же (КЛ3, 59); *Olli Mikilenpoika Litten*, Kurcki-jocki p. (КЛ3, 80); *Marti Juganin Nycken*, там же (КЛ3, 86); *Lassi Ollinpoika Kilap*, там же (КЛ3, 99). Всего около 50 случаев в шведской части и более 80 в русской (на 4455 носителей).

IV. Многокомпонентные модели именования для исследуемых источников оказались функционально незначимыми, особенно для Обонежской пятины и Лопских погостов (см. таблицу). Причина экстралингвистическая: стремление как можно более точно обозначить в тексте документа собственника. Потому носителями таких имен являются земцы мужского и женского пола, ср.: *за Федьком за Олексеевым сыном Борисова Фомина да за Сергеем за Григорьевым сыном Борисова Светухина*, п. Сакульский, 1568 (ПКВП1, 129–130); *за вдовою за Ориною за Семеновою женою Иванова сына Денисьева Савина да за ее дочерьми за Марьею да за Овдотьей*, п. Ровдужский, 1568 (Там же, 155) и т. д. Процент таких конструкций невысок и в документах иного делового типа: актовых материалах, грамотах. Например, в купчих, челобитных, данных и подобных документах через такие модели также отмечены жители Карелии, имеющие или имевшие собственность, ср.: *Се яз, Стефан Михайлов сын Заломаева Будай, отступилс есми царева и великого князя росолу, а своего владенья Овдотьи Михайлове дочери Косицина, а Михайловский жены Кологривова трити двенадцатого сугреба в Климишинской варници... Ненокса, отступная, 1572 (АСМ, 16); Се яз, Василей, да яз, Яков Кока,*

да яз, Левонтей, да яз, Иван, да яз, Моисей, братеники, Ивановы дети Кологривова Яковлева отдали есмя пожни на Верхной реки... Ненокса, «празговая» запись, 1581 (АСМ, 159; ...отдали... полтретья лука по души снохи своей Ефресеньи Перфирьевой дочери, а Максимовской жене Попова, Варзуга, данная, 1573/74 (АСМ, 45) и т. д. Всего 55 подобных примеров на более чем 3890 употреблений. С лингвистической стороны нет сомнений: многокомпонентная конструкция была неудобна для целей делопроизводства, не говоря о разговорно-бытовом общении. Поэтому в пределах региона она уступала более экономичным (прежде всего двухкомпонентным) моделям номинации лица.

V. Имеются единичные случаи безонимных номинаций. Они отмечены при назывании лиц мужского и женского пола, являющихся низшими церковными служителями: *пономарь, проскурница, проскурник*, ср. выделенные жирным курсивом примеры: *дер. на Кузаранде на Федоровской половины: в той деревне поставлена церковь выставка Рождество пречистая, в ней поп Никон, в ней пономарь, 1563 (ПКОП, 138); за рекою за Федоровкою на Спаской улице дворы тяглые... в них церковной дьячек Бориско Васильев Демидова... в ней Никольская проскурница, 1568 (ПКВП1, 67); дер. Пиминовская у погоста, а в ней поп Василей Иванов, в ней дьячок церковной, в ней пономарь Иванко, в ней проскурница, 1582/83 (КЗПОП, 99). Всего 6 примеров. Безусловно, такие безымянные структуры, содержащие отсылку только к названию лица по роду деятельности (агенсу), выделяются в тексте памятника, особенно на фоне антропонимического окружения. Их фиксация в писцовых и дозорных книгах дает основание предполагать, что социального статуса человека, жившего в сельской местности, было достаточно для идентификации лица в тексте документа.*

Таким образом, в указанный временной период в номинации лица в региональном делопроизводственном документе отсутствовала единая юридическая норма. Как следствие, наблюдается высокая вариативность в отборе количества компонентов для представления человека в тексте памятника. Однако наиболее значимыми, экономными становятся двухкомпонентные модели. На количественный состав структуры именования человека влияли его статус, плотность населения. Чем выше статус, чем большее количество жителей фиксируется в регионе, тем больше компонентов требуется для точной идентификации человека.

Анализ структур с количественной точки зрения заставил обратиться к проблеме точной квалификации статуса отдельных компонентов, сопровождающих антропонимическую структуру. Назовем его *дополнительный идентификатор*. Претензии относятся к примерам с одно- и двух-

компонентными моделями именований, когда дополнительный идентификатор семантически связан с различными названиями лиц, имеющими нулевую коннотацию. Автором статьи ставятся вопросы: в каком случае дополнительный идентификатор можно и нужно считать компонентом именования – единицей, занимающей пограничное положение между именем собственным и нарицательным (и, может быть, являющимся онимом), а в каком его можно оставить за границей антропонимической структуры, где дополнительный идентификатор равен апеллативу? Приведем примеры, поясняющие поставленные вопросы. В купчей 1538/39 фиксируется *Захарья Кириллов сын Олончанина* (АСМ, 50), где третий компонент – *Олончанин* – определен исследователем И. З. Либерзон как прозвище в генитивной форме, что находит отражение в графике расшифрованного документа. В то же время в дозорной книге Шуерецкой волости 1598 записан *Иван олончанин* (АСМ, 240), и подобное название рассматривается как апеллатив, хотя самое распространенное личное имя *Иван*, без сомнения, требует, чтобы дополнительный идентификатор имел статус онима. Ср. также *Иван Федоров сын двинянин* (мировая, не ранее 1556/57 – Акты, 137) и *Богдан Гурьев Двинянин*, 1614¹² (Отказ. кн.). Как видим, слово *двинянин* занимает в сходных антропонимических моделях одинаковую позицию, но квалифицируется по-разному¹³.

Рассмотрим роль дополнительного идентификатора, сопровождающего модели с разным количеством компонентов.

Изучение однокомпонентных именований показало: они уже являются информативно недостаточными¹⁴, особенно в случаях тезоименности – наличия большого количества лиц, названных одинаково. Приведем примеры семейной одноименности отца и сына, братьев: *Гриша Иванов да дети его Гриша да Куземка*, 1597 (ДКЛП, 225); *Игнат Парфеньев, да сын его Игнатко*, 1568 (ПКВП1, 167); *Павлик Исачков да сын его Павлик жо*, 1496 (ПКОП, 16); *Омоско Соболев, в ней брат его Пахомко, в ней брат же его Пахомко*, 1563 (Там же), 112; *Васка Никифоров, дети Тимошка да Тимошка ж*, 1496 (Там же, 2); *Нестерик да братья его, Терешко да Нестерик*, (Там же, 10) и под. (около 200 подобных фиксаций). Как видим, наблюдается нарушение основной функции имени собственного в пределах небольших социумов и территорий. В результате в ономастической системе возникает необходимость в разграничении субъектов, которая разрешается за счет добавления количества компонентов к структурной модели. Поэтому в текстах документов фиксируются следующие записи: *Степанко Колокол купчина з детми с Ъванком да с Ъвашком с меньшим*, 1568 (ПКВП1, 141); *Васюк Борисов да Исак Левонтьев, да Васка меньшей Борисов*, 1568 (Там же, 149); на Кучо ж

озере в волостке в Аччиеве Наволоке... Ъванко Большой да Ъванко Меньшой, 1597 (ДКЛП, 231); *Дмитрейко да Васька, да Васка же Меньшой* (Там же, 204) и т. п.

Итак, необходимость точного представления человека в тексте документа – условие, которое заставляет взглянуть на особенности функционирования однокомпонентных моделей иначе. Действительно, детальный анализ таких структур, зафиксированных в памятниках письменности, выявил, что большая их часть – 80 % от общего числа подобных моделей в официально-деловых документах и 49 % в частно-деловых документах – имеет при себе дополнительный идентификатор.

В роли дополнительного идентификатора выступают: 1) различные названия родственных отношений. Самые частые идентификаторы – *сын* и *дети*, указывающие на связь с отцом: *Власко Кирилов да его дети*, *Андрейко да Никитка*, 1496 (ПКОП, 2); *Макар Ларивонов да дети его Томилко да Поспелко*, 1597 (ДКЛП, 216); *Юркия Михеев, сын его Бориско*, 1496 (ПКОП, 35); *Игнашко Васильев да сын его Некрас*, 1568 (ПКВП1, 139). Процент таких записей высок во все годы в писцовых книгах 1496 (32,15 %), 1563 (19,9 %), 1568 (49,6 %), 1582 (29 %), в дозорных книгах 1597 (87 %). Ее активность объясняется социально-экономическими факторами: несложностью (при невысокой плотности населения) выявления наследника, на которого в последующем будет возложена обязанность по выплате налогов в казну.

Функционально значимым в писцовых книгах следует признать однокомпонентное имя при брате или при соседе: *Нестерик да братья его, Терешко да Нестерик*, 1496 (ПКОП, 10); *Гриша Данилов да брат ево Поташко*, 1582 (КЗПОП, 330); *Михалко Мокаров да сусед его Олексейко*, 1496 (ПКОП, 44); *Иванко Селифонтов да сусед его Омелянко*, 1563 (Там же, 243) и т. д. При этом антропоним, связанный маркером *сосед*, отмечен только в документах Обонежской пятины 1496 и 1563 и имеет ареальный показатель: фиксируется преимущественно в 1496 при описании Веницкого (Оятского) погоста, Вытегорского, Никольского Готеслав волока, Оштинского – близких по территориальному расположению; единичен в Егорьевском в Коигушах, Пелушском, Шуньгском погостах в 1496; в Пудожском, Мегрежском, Выгозерском, Андомском – в 1563.

Менее активно однокомпонентное именование лица употребляется со следующими дополнительными идентификаторами – *пасынок*, *падчерица*, *приемыш*, *зять*, *тесть*, *дети* + *сыновья*, *дочери* (при матери), *братанич* (при двоюродном брате), *дядя*, *племянник*. Единично используются маркеры *внук*, *сноха*, *деверь*, *жена*, *шурин*, *отец* (при сыне) и *отчим* (при пасынке), *бабушка* (бабка), *дедушка*. См. ряд примеров: *Нифонтик Василев да сын его Федко да зять его Гридка*,

1496 (ПКОП, 13); *Маурка вдова* (Там же, 39); *Овдокимко Пороз да пасынок его Суслон* (Там же, 20); *Васка да Меркурко да Лазарко Еремеевы дети да в том же двори брат их Мосорка да его вотчим Рагоска*, 1563 (Там же, 161); *Прока Пянтин да братанич его Третьячко*, Вытегорский (Там же, 205); *Онтонко Иванов Телскуев да внук его Максимко* (Там же, 57); *вдова Матренка Григорьевская жена да ей внучата Богданко да Иванко* (Там же, 164); *деревни Якуша да Мосейка Михайлиных, да снохи их Катеринки*, Сакульской, 1568 (ПКВП1, 127).

Названные дополнительные идентификаторы при однокомпонентном именовании представляют отношения в семье, еще раз подтверждая, что семья для русского средневекового общества – особая ценность. Степень значимости названий лиц по родственным связям определяется в соответствии с частотностью названных идентификаторов в текстах документов. Их антропонимический коэффициент в изучаемых документах невысокий, они редко подвергались онимизации. Так, в следующем примере – *Орех да Дет Шитиковы*, Толвуйский, 1563 (ПКОП, 142) – можно увидеть территориальную и временную связь с записью: *Ивашко Дедов, Сенка Дедов*, Толвуйский, 1582 (КЗПОП, 113), а в случае – *починок в Лигачи на горе надо Мхом Дедка Волка* (Там же, 288) – статус прозвища оставляем под вопросом. Редкими являются и патронимные формы, ср.: *Филипко Вдовин*, 1496 (ПКОП, 55); *Ивашко Вдовин*, 1563 (Там же, 123); *Пуминка Вдовин* (Там же, 108); *Ондрейко Вдовкин* (Там же, 141); *Тимошка Мишуков Пасынков*, 1563 (Там же, 206); *Юшко Павлов Бабушкин*, 1568 (ПКВП1, 63), хотя в современных ономастических с разной частотностью фиксируются фамилии с названиями по родству в основе, ср. (в порядке убывания): *Вдовин, Бабушкин, Дедов, Внуков, Пасынков, Соседов, Племянников, Отцов* и т. д.

2) В функции дополнительного идентификатора выступают также следующие агенты: различные названия лиц, отражающие социальный статус человека: *вдова, земец, волостной человек, молодой человек, средний человек, лучший человек, помещик, староста, казак, тиун* и др.

3) Названия лиц по роду деятельности: *бирич, возж, епанечник, ключник, коневал, конюх, коровник, кожевник, кузнец, лоточник, мельничник, овчинник, пивовар, подможчик, приказчик, портной мастер, пушкар, сапожник (сапожной мастер), соловар, старец, скоморох, скорняк, строитель, токарь, торговый человек, хлебник, швец, шорник, ямщик* и др. Социально маркированы однокомпонентные имена с дополнительными идентификаторами: *дьяк, дьякон, дьячок, игумен, игуменья, келарь, поп, пономарь, проскурник, проскурница, проскурня, священник, старица*. Они сопровождают больше 50 % однокомпонентных конструкций типа: *да была деревня у часовни...*

в ней поп Тимофей, в ней дьяк Лучка, в ней пономарь Минка, в ней проскурница Зеновица, 1563 (ПКОП, 73).

4) Названия лиц по местности: *двинянин, колмогор (колмогорец), ноугородец, олончанин, падмозер, толвуйнин* и др. Индивидуализация **катойконимов** связана, очевидно, с осознанием личностью своего места в коллективе, а также отношением коллектива к личности, как к чужому «другому», а потому выделяющемуся среди прочих своим происхождением.

Как видится, такие агенты (особенно по роду деятельности) при однокомпонентном именовании можно приравнять к прозвищу. Так, в следующих структурах: *Якушко староста*, 1496 (ПКОП, 48), *Гриша бобыль*, 1568 (ПКВП1, 145), *Степанко кожевник, Онтропко пивовар*, 1563 (ПКОП, 111), *Зенко возлозерец* (Там же, 199), *Лукьяник выгозерец*, 1496 (ПКОП, 22) и под., – выделенные жирным курсивом слова выполняют такую же функцию, как и антропонимы, которые сопровождают календарное имя, ср.: *Ивашко Пирог, Кирилко Треста*, 1496 (ПКОП, 11, 52); *Васка Бахор, Петрушка Кляпик*, 1563 (ПКОП, 112, 167); *Савка Белой*, 1539 (ПКВП2, 33); *Ивашко Гиблой*, 1563 и 1582/83 (ПКОП, 160; КЗПОП, 201–201); *Тимофейко Калтак*, 1568 (ПКВП1, 146) и т. д. Единственным отличием является мотивирующая коннотация апеллатива, отсутствующая у названий лиц в первом случае и присутствующая у прозвищ от экспрессивов во втором. На довольно высокий антропонимический коэффициент названий лиц по профессии, местности указывает и множество современных фамилий. Добавим, что имплицитный ономастический характер у таких апеллативов обусловлен опять же типом памятника письменности, в котором переписи подвергнуто в основном крестьянское население (71,66 % от всех зафиксированных документов). Большая часть перечисленных в пп. 2–4 агентов являются единичными. Вероятно, именно крестьяне и выполняли разнообразные профессиональные обязанности, чем и выделялись в социуме (исключая названия по статусу, должности, в том числе церковной: *земец, помещик, бобыль, боярин, князь, тиун, казак, поп, дьяк, архиепископ, писец, игуменья*). Это предположение также может служить основанием для возможности отнесения дополнительных идентификаторов к разряду прозвищ.

Следовательно, дополнительный идентификатор при однокомпонентных моделях, зафиксированных в официально-деловых документах Карелии XV–XVII веков, – необходимый элемент номинации лица. Тезоименность, увеличивающееся социальное расслоение общества потребовали указания на родственные отношения, профессиональную деятельность, статус, место жительства лица, приближая таким образом дополнительный компонент к прозвищу

и способствуя перерастанию однокомпонентного именования в более сложную структурную модель – двухкомпонентную.

Что касается употребления агентов при двух-, трех-, многокомпонентных моделях, то вопрос об их статусе и функциональной нагрузке должен решаться иначе. На наш взгляд, необходимо принять во внимание следующее: 1) положение названия лица по отношению к компонентам, имеющим статус имени собственного; 2) степень близости названия лица к личному имени; 3) наличие других (иногда более ярких) идентификаций лица.

По материалам памятников письменности Карелии и прилегающих к ней территорий рассматриваемые слова обычно расположены рядом с первым компонентом имени и находятся по отношению к нему в препозиции: *дворник Рагоста Спиридонов*, 1582/83 (КЗПОП, 240); *ноугородец Сидор Яковлев сын Хамталы*, 1568 (ПКВП1, 74), в постпозиции: *Сенка Ондронов бачарник* (Там же, 61); *Иванко Григорьев, рукавичник*, 1563 (ПКОП, 189) или в интерпозиции (реже): *Михейко пономарь Федоров*, 1582/83 (КЗПОП, 130); *Иванко скорняк Голкин*, 1563 (ПКОП, 60). Такая неустойчивость, вариативность, безусловно, свидетельствует о сохранении апеллятивного статуса у дополнительных идентификаторов, особенно если они стоят в препозиции или интерпозиции. Что касается нахождения идентификатора в постпозиции, то следует учесть: каким по счету он является в антропонимической структуре. Если им сопровождается трех- или многокомпонентное именование, то вряд ли следует видеть процесс антропонимизации. В записи – *Конанка Федоров сын Трусков пушкарь*, 1568 (ПКВП1, 73) – последний компонент, выделенный жирным курсивом, избыточен для индивидуализации лица, его антропонимический коэффициент нулевой. Однако если на протяжении определенного времени именование не теряет этот компонент, то следует признать за ним прозвищную функцию. Такие примеры в официально-деловых документах не зафиксированы, но отмечены в актовых источниках при двухкомпонентных моделях. Ср. закрепление катойконима за одним лицом: в неизменном виде *Иван Алексеев сын переславец* отмечен в данных 1548 и 1553 (АСМ, 85, 117), а *Первой*

Филиппов сын шуеречанин – в купчей, данной и духовной 1571 (Там же, 232, 233, 239). Сопоставление позволяет предположить возможное появление патронимов (*Переславцев, Шуеречанинов*) у потомков, а также допустить, что названия лиц выполняли функцию, подобную третьим элементам трехкомпонентных моделей именования, ср. в отступной 1552 упоминаются рядом: *Микифор Васильев сын Заверткина* и *Матфей Семенов сын, костогорец* (АСМ, 113) и пр.

Отметим также, что для Карелии и смежных территорий XV–XVI веков с низкой плотностью населения, более длительным сохранением исконно славянского ономастического и использованием антропонимов, восходящих к прибалтийско-финским по происхождению апеллятивам, необходимости в развернутой идентификации лица, по всей вероятности, еще не существовало. Лишь в некоторых случаях мы можем предполагать (с опорой на письменные источники), что отдельные названия лиц, следующие за трех- и четырехкомпонентными именованиями, а также за прозвищами в двух- и трехкомпонентных структурах, входят в состав модели. Вероятно, к антропонимам можно отнести те идентификаторы, которые передаются по наследству от отца к сыну, от мужа к жене и подтверждаются документально, как в примере: *Семен Исаков сын Мохнатка, каргополец* упоминается в купчей 1556 (АСМ, 134), а в купчей 1563 назван его сын *Гаврилко Семенов сын Мохнаткина, каргополец* (Там же, 194, 195).

Подведем итоги. Исследование структуры именования в региональных памятниках письменности средневековой Карелии показало, что при отсутствии единой юридической нормы отсутствуют стереотипы и, как следствие, наблюдается вариативность в номинации лица через определенное количество компонентов. Нормативный импульс чувствуется только в том, что житель Карелии должен быть корректно представлен. И там, где социальные условия требуют точной идентификации лица, внутренние ресурсы ономастической системы формируют более сложные конструкции, используя при этом дополнительные идентификаторы, в определенных случаях они минимизируют их.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под антропонимической моделью именования понимаем то количество компонентов, которое отмечено в структуре именования лица (один, два и более компонентов) независимо от их антропонимической принадлежности к определенному разряду; под антропонимической формулой – определенную структурную схему сочетания антропонимических единиц разных разрядов (некалендарное личное имя, календарное личное имя, прозвище, патроним и т. д.).

² Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 52–178. (В статье в круглых скобках указано ПКВП1, через запятую – страница источника.)

³ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / АН СССР, Институт истории СССР, Ленингр. отд-ние / Сост. И. З. Либерзон. М.: Наука, 1988. 275 с. (В статье в круглых скобках указано АСМ, через запятую – страница источника.)

- ⁴ Функционирование моделей именования в актовых источниках требует отдельного рассмотрения, именно поэтому в данной статье этот материал используется как источник сопоставления.
- ⁵ Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / Акад. наук Союза Сов. Соц. Респ., Археогр. комис.; Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV, 268 с. (В статье в круглых скобках указано ПК ОП, через запятую – страница источника.)
- ⁶ Писцовая книга Водской пятины 1539 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 19–51. (В статье в круглых скобках указано ПК ВП2, через запятую – страница источника.)
- ⁷ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. III: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла; КНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341. (В статье в круглых скобках указано КЗ ПОП, через запятую – страница источника.)
- ⁸ Дозорная книга Лопских погостов, 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 186–233. (В статье в круглых скобках указано ДК ЛП, через запятую – страница источника.)
- ⁹ Переписная книга Корельского уезда, 1618 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 284–387. (В статье в круглых скобках указано КЛ1, через запятую – страница источника.)
- ¹⁰ Переписная книга Корельского уезда, 1631 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. I: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 388–568. (В статье в круглых скобках указано КЛ2, через запятую – страница источника.)
- ¹¹ Поземельная книга Кексгольмского лена, 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 2: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* / Подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1991. 758 с. (В статье в круглых скобках указано КЛ3, через запятую – страница источника.)
- ¹² Отказ. кн. – Отказная книга Шуерцкой волости. 1614. Рукопись / Сост. В. И. Иванов. Хранится в ЦТАДА. Ф. 281. Грамота Коллегии Экономии. Д. 5521.
- ¹³ То есть, помимо теоретического аспекта, проблема имеет еще и прикладной характер.
- ¹⁴ Информативно значимыми, достаточными для представления лица, вероятно, следует признать только однокомпонентные именования с некалендарным личным именем или прозвищем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахвалова Т. В. К изучению истории развития личных имен в Белозерье (на материале памятников письменности XV–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 21 с.
- Ганжина И. М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1992. 20 с.
- Гвоздева Е. Л. Способы идентификации лица в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Материалы к серии «Народы и культуры». Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. Вып. XXV / Под ред. Ю. Б. Симченко. М., 1993. С. 101–109.
- Зинин С. И. Русская антропонимия XVI–XVII вв. (на материале переписных книг городов России): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969. 22 с.
- Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 22 с.
- Медведева Н. В. Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999. 22 с.
- Палагина В. В. Варьирование антропонимических структур в томских деловых документах XVII века // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976. С. 57–69.
- Палагина В. В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI–XVII вв. // Вопросы русского языка и его говоров. 1968. С. 83–92.
- Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 256 с.
- Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.

Kyurshunova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE PERSON'S NAME STRUCTURE IN WRITTEN MONUMENTS OF KARELIA OF XV–XVI CENTURIES (NAMING MODELS)

The article presents the analysis of models of a person's name recorded in business correspondence of Karelia of XV–XVI centuries. The author considers reasons of diversity and variation of person's nomination in texts of regional written monuments; status and role of additional identifications of a person (names of persons related in kinship, according to professional activities, social status, place of residence) in structural models, containing different number of members. Conditions of onymization of additional identifications are defined, the main of which are the social status of the person and internal resources of the onomastic system.

Key words: historical anthroponymy, regional anthroponymy, naming structure, naming model, additional identificaton, name, nickname

REFERENCES

1. Bakhvalova T. V. *K izucheniyu istorii razvitiya lichnykh imen v Belozher'e (na materiale pamyatnikov pis'mennosti XV–XVII vv.): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The study of the history of personal names in Belozerye (based on the written monuments of XV–XVII centuries)]. Leningrad, 1972. 21 p.
2. Ganzhina I. M. *Tverskaya antroponimiya XVI v. v sotsial'no-istoricheskom i lingvisticheskom aspektakh (na materiale tverskikh pistsovykh knig): Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [Social, historical and linguistic aspects of Tver anthroponymy of the XVI century (based on the Tver cadastres)]. Tver, 1992. 20 p.
3. Gvozdeva E. L. Ways of person's identification in the Great Russian business writing of the XIV–XVI centuries [Sposoby identifikatsii litsa v velikorusskoy delovoy pis'mennosti XIV–XVI vv.]. *Materialy k serii "Narody i kul'tura". Onomastika. Ch. 1. Imya i kul'tura*. Issue XXV / Ed. Ju. B. Simchenko. Moscow, 1993. P. 101–109.
4. Zinin S. I. *Russkaya antroponimiya XVI–XVII vv. (na materiale perepisnykh knig gorodov Rossii): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian anthroponymy of the XVI–XVII centuries (based on the census books of cities of Russia)]. Tashkent, 1969. 22 p.
5. Komleva N. V. *Antroponimiya vologodskikh pamyatnikov ofitsial'no-delovoy pis'mennosti kontsa XVI–XVII vekov: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Anthroponymy of the Vologda monuments of formal business communication of the late XVI–XVII centuries]. Vologda, 2004. 22 p.
6. Medvedeva N. V. *Antroponimiya Prikam'ya pervoy poloviny XVII veka v dinamicheskom aspekte (na materiale perepisnykh dokumentov po votchinam Stroganovykh): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Anthroponymy of the Kama region in the first half of the XVII century in the dynamic aspect (based on the census documents for Stroganoff's estates)]. Perm, 1999. 22 p.
7. Palagina V. V. The variation of anthroponymical structures in the Tomsk business documents of the XVIIth centuries [Var'irovanie antroponimicheskikh struktur v tomskikh delovykh dokumentakh XVII veka]. *Russkaya onomastika i ee vzaimodeystvie s apellyativnoy leksikoy*. Sverdlovsk, 1976. P. 57–69.
8. Palagina V. V. To the question of the locality of the Russian anthroponyms in the late of XVI–XVII centuries [K voprosu o lokal'nosti russkikh antroponimov kontsa XVI–XVII vv.]. *Voprosy russkogo yazyka i ego govorov*. Tomsk, 1968. P. 83–92.
9. Smol'nikov S. N. *Antroponimiya v delovoy pis'mennosti Russkogo Severa XVI–XVII vv.: Funktsional'nye kategorii i modal'nye otnosheniya* [Anthroponymy in the business literature of the Russian North in the XVI–XVII centuries: Functional categories and modal relations]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 256 p.
10. Chichagov V. K. *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familiy (Voprosy russkoy istoricheskoy onomastiki XV–XVII vv.)* [From the history of Russian names, patronymics and surnames (Issues of Russian historical onomastics of the XV–XVII centuries)]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 128 p.

Поступила в редакцию 30.05.2016